

АВГУСТЪ.

1896.

РУССКОЕ ПОЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 8.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1896.

Въ юртѣ послѣдняго киргизскаго царевича*).

(Изъ поѣздки въ Кокчетавскій уѣздъ).

Едва-ли читатель знаетъ, гдѣ это Кокчетавскій уѣздъ. Не многимъ яснѣе для него станетъ, если сказать, что это въ Акмолинской области, и развѣ когда назовешь Киргизскую степь, то онъ уразумѣетъ, въ которую сторону нужно выйти изъ воротъ, направо или налево, чтобы попасть въ этотъ уѣздъ, и у него появятся нѣкоторыя представленія о пейзажѣ и о людяхъ этой мѣстности. Но тутъ выйдеть еще хуже, потому что эти представленія совсѣмъ не будутъ вѣрны дѣйствительности. Киргизская степь! значить это что-то плоское, монотонное, сѣрое, скучное, безъ голубыхъ водъ и безъ зеленого покрова земной поверхности, это край, гдѣ задыхаются отъ пыли, страдаютъ отъ жажды и утоляютъ ее изъ застоившихся колодезей,—словомъ, что-то въ родѣ Сахары или Гоби. На самомъ же дѣлѣ это край съ высокими лѣсистыми горами, съ горными рѣчками и множествомъ большихъ прѣсныхъ озеръ, покрытый сосновыми борами, березовыми лѣсами и луговыми степями,—словомъ, край благодатный и очень богатый живописными уголками.

При обширности нашего отечества, вѣроятно, не мало такихъ

*) Настоящая статья есть разсказъ о дняхъ, проведенныхъ мною въ юртѣ киргизскаго султана Чингиса Валеевича Валиханова. Султанъ Чингисъ сынъ послѣдняго киргизскаго хана Вали, почему я и назвалъ его въ заголовкѣ статьи киргизскимъ царевичемъ. У хана Вали было двѣ жены; отъ старшей жены былъ сынъ Габайдулла и друг.; у младшей, ханьши Айханымъ старшій сынъ назывался Чингисъ; у него было два брата: Чепе и Альджанъ. Послѣ смерти Вали - хана киргизы объявили ханомъ Габайдуллу, но сохраненіе ханской власти въ ордѣ не входило въ расчеты русскаго правительства; Габайдулла былъ арестованъ и отвезенъ въ ссылку въ Березовъ; такъ кончилась ханская власть въ ордѣ. Братья Чингиса, Чепе и Альджанъ, умерли; если изъ дѣтей младшей ханьши остался теперь только одинъ Чингисъ, то очень вѣроятно, что изъ дѣтей старшей ханьши никого не осталось, такъ что изъ всѣхъ сыновей послѣдняго хана Вали въ живыхъ теперь, вѣроятно, одинъ только султанъ Чингисъ, и мы думаемъ, что мы имѣемъ полное право величать султана Чингиса «послѣднимъ» киргизскимъ хановичемъ или царевичемъ.

уголковъ, которые мало извѣстны, хотя бы заслуживали большей популярности. Кокчетавскій же уѣздъ тѣмъ болѣе вправѣ рассчитывать на общественное вниманіе, что въ него теперь устремляется сильное движеніе переселенцевъ.

Одинъ научный узко-спеціальный вопросъ привелъ меня прошлымъ лѣтомъ въ этотъ хорошенькій уголокъ. До города Петропавловска, лежащаго на сѣверной границѣ Кокчетавскаго уѣзда, доходить желѣзная дорога; отъ Петропавловска до города Кокчетавъ приходится ѣхать на почтовыхъ. Послѣ четырехдневнаго заточенія въ вагонѣ, мелкія неудобства ѣзды на перекладныхъ въ открытомъ экипажѣ, то есть въ простой тележкѣ, переношишь съ удовольствіемъ и въ охотку.

Чѣмъ болѣе удаляешься на югъ отъ Петропавловска, тѣмъ рѣже становятся березовые «колки», т. е. березовыя рощи; цвѣтистый луговой коверъ ишимскихъ степей, окружающихъ Петропавловскъ, смѣняется волнующимся моремъ ковылей; вмѣсто «томаровъ», чаще-образныхъ углубленій въ почвѣ съ зыбучимъ болотомъ въ серединѣ, появляются солонцы. Словомъ, Ишимская степь переходитъ въ Киргизскую, которая на отдаленной южной своей окраинѣ превращается въ бесплодную пустыню, извѣстную у киргизъ подъ названіемъ Проклятой степи (Бедпакъ-дала), а у русскихъ подъ именемъ Голодной. Переходъ этотъ былъ-бы непрерывенъ, если-бъ въ 200 верстахъ къ югу отъ Петропавловска не было горъ, которыя тутъ проходить съ запада на востокъ и пересѣкаютъ нашу дорогу. У сѣверной подошвы этихъ горъ степь становится уже типически безлѣсною, настоящею киргизскою, но тутъ вдругъ вмѣстѣ съ горами опять появляются березовыя колки и, чего нѣтъ даже около Петропавловска, основные боры на горахъ, а между горами, вмѣсто солончаковъ, разстилаются прѣсныя озера и струятся горныя рѣчки.

Отъ Петропавловска вплоть до Кокчетавъ—разстояніе въ сто семьдесятъ верстъ—дорога гладкая, ровная, но станціи за двѣ до Кокчетавъ открываются видъ на кокчетавскій Кавказъ; весь южный горизонтъ представляется взволнованнымъ; прямо на югъ видны плоскія возвышенности или холмы, но налѣво и направо отъ нихъ видны синія горы съ крутыми профилями, очевидно скалистые. При подошвѣ невысокихъ холмовъ, которые видны прямо въ концѣ дороги, и расположенъ небольшой городокъ Кокчетавъ, киргизскій «Владикавказъ»; подобно кавказскому, этотъ киргизскій «Владикавказъ» лежитъ на плоскости, но гора начинается сейчасъ же за городомъ, и городской садъ находится уже на горѣ.

Кокчетавъ едва-ли имѣетъ болѣе двухъ тысячъ жителей; весь деревянный, ни одной выдающейся постройки, двѣ церкви и двѣ мечети; изъ этого уже видно, что половина населенія состоитъ изъ мусульманъ; мечети красивѣе церквей; есть лавочные ряды, въ которыхъ торгуютъ преимущественно татары. Городъ состоитъ изъ двухъ частей: изъ мѣщанской слободы и казачьей станицы. Интел-

лигенція въ городѣ главнымъ образомъ состоитъ изъ казачьихъ офицеровъ. Тутъ есть казачій клубъ, казачья (единственная) общественная бібліотека; единственная въ городѣ школа для дѣвочекъ, въ которой учатся и мѣщанскія дѣти, тоже казацья.

Здѣсь прежде всего я познакомился съ казачьимъ полковникомъ Н. А. Симоновымъ, о которомъ я слышалъ еще въ Петропавлоскѣ (мнѣ рекомендовали обратиться къ нему за совѣтами). Дѣйствительно, я встрѣтилъ въ домѣ г. Симонова самый теплый пріемъ; г. Симоновъ направилъ меня къ помощнику уѣзднаго начальника г. Делазари; самого начальника въ это время въ Кокчетавѣ не было; онъ уѣхалъ въ отпускъ въ Россію. Г. Делазари былъ ко мнѣ очень любезенъ и оказалъ мнѣ такія услуги, безъ которыхъ моя дальнѣйшая поѣздка не была бы удачна. Конечной цѣлью ея былъ аулъ Валихановыхъ; это киргизская семья, съ которой я былъ давно знакомъ; съ однимъ изъ братьевъ Валихановыхъ, Чоканомъ, давно уже умершимъ, мы были школьные товарищи; впоследствии я встрѣчался также и съ другими братьями и съ ихъ отцомъ. Мой планъ на лѣто былъ такой — заѣхать въ аулъ Валихановыхъ, поселиться въ немъ, если меня примутъ, и работать. Но я никогда не переписывался съ Валихановыми и даже не зналъ, живъ ли султанъ *) Чингисъ, отецъ Чокана.

Я зналъ, что зимовка Валихановыхъ находится въ урочищѣ Серембетъ, но теперь лѣто, аулъ Валихановыхъ откочевалъ на лѣтовку, слѣдовательно, въ Серембети искать его нечего; нужно было въ Кокчетавѣ узнать, гдѣ находится лѣтовка Валихановыхъ; да и о самомъ Серембети я не зналъ, въ какомъ разстояніи оно лежитъ отъ Кокчетава.

Г. Делазари далъ мнѣ въ проводники одного изъ «почтовойше», которые состоятъ на службѣ при уѣздномъ полицейскомъ управленіи. Такъ называются полицейскіе разсыльные изъ киргизъ. Это обыкновенно бойкіе, расторопные люди, соединяющіе знаніе кочевыхъ обычаевъ съ знаніемъ русскаго языка, незамѣнимые для русскіихъ чиновниковъ во время ихъ разѣздовъ по степи. Данный мнѣ «почтовойше» носилъ имя Найманъ; онъ потому, въ дальнѣйшей нашей поѣздкѣ, оказался неоцѣненнымъ товарищемъ.

Еще до моего знакомства съ Найманомъ я отъ кого-то получилъ пріятное извѣстіе, что султанъ Чингисъ живъ. Волгѣдъ за тѣмъ Найманъ въ тотъ же самый день, какъ мы съ нимъ познакомились, привелъ въ мою квартиру родственниковъ султана Чингиса, по какимъ-то дѣламъ пріѣхавшихъ въ Кокчетавъ. Они сообщили, что Чингисъ стоитъ подъ горой Тохту, въ 30 верстахъ отъ казачьяго селенія Бабыка. Пріѣхавшіе родственники Валиханова рекомендо-

*) Султанами у киргизъ называются потомки хановъ; они составляютъ высшее сословіе киргизскаго народа, которое называется «бѣлою костью» въ отличіе отъ «черной кости», т. е. отъ престоноародья.

вали мнѣ прожить нѣсколько лишнихъ дней въ Кокчетавѣ, чтобы дать имъ время, справивъ свои дѣла, уѣхать впередъ и оповѣстить султана Чингиса; намъ бы изъ аула выслали въ Бабыкъ тарантасъ и лошадей. Но времени и такъ было потеряно много; согласиться было нельзя, и мы на другой день выѣхали изъ Кокчетавы по дорогѣ въ Бабыкъ. Со мной ѣхалъ также студентъ петербургскаго университета киргизскій султанъ Султанъ-газинъ, котораго я пригласилъ сопутствовать мнѣ въ качествѣ переводчика, встрѣтившись съ нимъ еще по дорогѣ въ Петропавловскъ; Найманъ сидѣлъ у насъ на козлахъ.

По всей дорогѣ до Бабыка намъ попадались русскія селенія, такъ что вездѣ мы ѣхали въ тележкѣ на смѣнныхъ лошадяхъ; мѣстами станціи были не болѣе 15 верстъ. Всего въ Кокчетавскомъ округѣ насчитывается до сорока русскихъ селеній; частью это казачьи станицы, частью крестьянскія деревни. Только первая станція отъ Кокчетавы стоитъ одиноко среди такой же пустыни, какъ и та, которая окружаетъ городъ Кокчетавъ; но неприглядныя окрестности этого города не даютъ никакого представленія о живописныхъ картинахъ, которыя открываются въ глубинѣ края, хотя схематическія черты мѣстнаго пейзажа и здѣсь уже есть: гора, при подножьи горы озеро, на берегу озера селеніе — вотъ схема всѣхъ здѣшнихъ, наиболѣе живописныхъ мѣстечекъ. Это все есть у города Кокчетавы, но только тѣ двѣ горюшки, которыя торчатъ надъ озеромъ, слишкомъ ничтожны, чтобы ослабить монотонный характеръ прилегающей плоской степи; менѣе, чѣмъ въ часъ ходьбы, можно быть на самой высшей ихъ точкѣ; онѣ плоски, на нихъ нѣтъ никакихъ скалистыхъ выступовъ и, кромѣ того, онѣ совершенно голы, безлѣсны, какъ безлѣсна и плоскость, окружающая со всѣхъ сторонъ большое кокчетавское озеро. Словомъ, окрестности Кокчетавы не даютъ никакого намека на красоты, которыя скрываются за этими прозаическими предгорьями.

Селенія, которыя мы видѣли на дорогѣ, Челкаръ, Янгиставъ, Аиртавъ—всѣ расположены въ живописныхъ мѣстностяхъ; каждое лежитъ на берегу озера, надъ которымъ непремѣнно съ одной стороны круто поднимаются скалистыя горы, покрытыя густымъ сосновымъ лѣсомъ. Промежуточные между горами, сравнительно болѣе плоскія пространства покрыты болѣе или менѣе густыми березовыми рощами, а промежутки между рощами покрыты высокой по колѣно луговой травой; люцерна иногда заливаетъ цѣлыя десятины своимъ желтымъ цвѣтомъ. Въ горахъ травы еще выше; нѣкоторыя своей высотой почти въ ростъ человѣка напоминаютъ могущественную растительность Алтая. Не мудрено, что въ этотъ уголокъ устремилась волна переселенцевъ. Такія живописныя мѣста тянутся на сто верстъ къ западу отъ Кокчетавы и на сто верстъ къ востоку. Особенно красивы, по общему отзыву, мѣста къ востоку

отъ Кокчетова, именно окрестности озера Щучьяго и Борового, а также окрестности селенія Котурь-куль къ югу отъ Кокчетова.

Три названныя селенія Боровое, Щучье и Котурь-куль одѣлались въ послѣднее время мѣстами, куда ежегодно лѣтомъ наѣзжаютъ до пятидесяти человѣкъ изъ сосѣднихъ губерній лѣчиться кумысомъ. Этотъ новый кумысный курортъ имѣетъ будущее; наплывъ больныхъ несомнѣнно будетъ разрастаться. Пока сюда прїѣзжаютъ гости только изъ сибирскихъ городовъ, изъ Тобольска, Кургана и Омска; съ проведеніемъ желѣзной дороги до Петропавловска поѣдутъ, вѣроятно, и изъ Европейской Россіи. У этого вновь открывающагося кумысолѣчебнаго района есть, конечно, недочеты, но много и преимуществъ передъ другими подобными мѣстностями. Во-первыхъ, желѣзная дорога не доходитъ вплоть до мѣста; отъ Петропавловска приходится еще 260 верстъ ѣхать до Борового или Щучьяго; потомъ мѣстное населеніе и мѣстная администрація пока не успѣли еще одѣлать никакихъ приспособленій для удобства больныхъ; нѣтъ организованной медицинскон помощи, нѣтъ библиотекъ. Но за то, во-первыхъ, здѣсь жизнь дешевле, чѣмъ на какомъ нибудь другомъ «кумысѣ» *), во-вторыхъ, едва-ли какой другой районъ можетъ похвалиться лучшимъ достоинствомъ этого напитка, чѣмъ кокчетавскій районъ. И наконецъ, въ третьихъ, ни на какомъ другомъ «кумысѣ» вы не будете жить въ такой поэтической обстановкѣ, какъ здѣсь.

На другой день по выѣздѣ изъ Кокчетова мы добрались до Бабыка. До сихъ поръ мы ѣхали на земскихъ лошадяхъ, платя установленныя прогоны; въ Бабыкѣ нужно было нанять вольнонаемныхъ лошадей до аула султана Чингиса, то есть до горы Тохту, до которой, по словамъ бабыкскихъ казаковъ, оставалось всего верстъ тридцать. Казаки, какъ настоящіе цивилизованные люди, не дикари какіе нибудь, сумѣли вѣрно оцѣнить моментъ: дорога отъ Петропавловска до Бабыка около 250 верстъ стоила мнѣ за пару лошадей немного больше восьми рублей; казаки-же за провозъ меня съ моими двумя спутниками до аула Валихановыхъ, т. е. за 30 верстъ, заломили тоже восемь рублей. Сколько я ни прибѣгалъ къ сравнительному методу, сопоставляя казачьи цѣны съ тѣми, что мнѣ стоило проѣхать отъ Петропавловска, я не могъ убѣдить казаковъ; противъ моихъ доводовъ они умѣли выставить свои, — до горы Тохту хотя и считается тридцать верстъ, но въ самомъ-ли дѣлѣ тридцать, кто его знаетъ, можетъ быть и всѣ сорокъ! Довѣдемъ до горы, а вдругъ окажется, что аулъ Валихановыхъ стоитъ не у самой горы, а десять верстъ далѣе! Да и вообще это дорога въ неизвѣстность, середина идетъ пустыремъ, тутъ могутъ встрѣчаться и грабители. Если бы я былъ культурнѣе, я подождалъ бы до ве-

*) Комната отдается за 4 рубля въ мѣсяцъ; мясо 4 копейки фунтъ, крынка молока 5 копѣекъ, цыпята 15 копѣекъ штука.

чѣра, позвалъ бы другихъ охотниковъ ѣхать въ степь, а потомъ и третьихъ, сначала поторговался бы съ одними, потомъ съ другими, потомъ съ третьими, и не на улицѣ, какъ я это сдѣлалъ, гдѣ съ однимъ ведешь переговоры, а другіе все слышатъ, а призывая каждаго отдѣльно въ домъ, и наединѣ; словомъ, надо было разъединить противниковъ и каждаго уничтожить отдѣльно. Конечно, еслибъ оставалось еще ѣхать версты сто, можетъ быть, я такъ бы и сдѣлалъ; но осталась всего одна станція, завтра я буду уже среди нецивилизованныхъ киргизъ, и новыя впечатлѣнія заслонять горечь этого поединка простофилства съ китайскимъ опытомъ. Казачья культура и выдержка восторжествовали, а я уступилъ.

Такого большого экипажа, въ которомъ могли бы помѣститься мы всѣ трое съ нашимъ багажемъ, здѣсь не нашлось, и потому намъ пришлось ѣхать въ двухъ телѣжкахъ; каждая была запряжена одной лошадыю и на каждой сидѣлъ казакъ кучеръ. Въ одной телѣжкѣ помѣстились я и мой товарищъ г. Султанъ-Газинъ, въ другой нашъ багажъ и Найманъ, съ которымъ у насъ начало нарождаться духовное родство. Мы поняли, что у насъ съ Найманомъ есть общіе интересы и есть общіе противники, что мы съ Найманомъ составляемъ одинъ лагерь, а казаки, которые насъ везутъ, другой, и что надо насторожить вниманіе, — не стануть-ли казаки облегчать свой трудъ въ ущербъ нашей выгодѣ.

Сначала мы ѣхали по волнистой мѣстности, покрытой березовыми рощами; дорога проходитъ то внутри березоваго лѣса, то по прогалинамъ между рощами. Горизонтъ былъ постоянно закрытъ лѣсомъ, и если на горизонтѣ были горы, то онѣ были такъ незначительны, что не выдвигались изъ за верхушекъ лѣса. Только влѣво на юго-востокъ поднимались высокія скалистыя и безлѣсныя Акканъ-бурлуокія горы. Къ концу дня березовыя рощи остались назади, мы выѣхали на безлѣсную степь, по которой протекаетъ мелкая рѣчка Акканъ-бурлукъ. Казаки указали на небольшую горку, которая видѣлась впереди, немного вправо отъ дороги. Это, по ихъ словамъ, и была гора Тохту. Степь была совершенно пуста; нигдѣ не было видно ни скота, ни людей. Солнце уже было низко, а до горы оставалось еще версты двѣ. Казаки предложили ночевать; они говорили, что все равно, намъ сегодня много что удастся доѣхать до горы Тохту, а поиски аула Валихановыхъ придется оставить до завтра. Совѣтъ не былъ коварный, и оставалось только принять предложеніе. Остановились надъ рытвиной, въ которой течетъ Акканъ-бурлукъ, возлѣ киргизской зимовки. Зимовка состояла изъ двухъ-трехъ хижинокъ съ плоскими крышами, съ квадратными маленькими окнами безъ рамъ; у каждой хижины былъ небольшой дворъ, огороженный тыномъ. При каждомъ дворѣ, кромѣ хижины, есть еще одна постройка, которая по-киргизски называется *чучелъ*; она служитъ вмѣсто кухни. Это бревенчатая шестигранная

юрта безъ оконъ и безъ печи, съ землянымъ поломъ, съ очагомъ посерединѣ и съ конической крышей, прикрытой дерномъ.

Эта ночевка въ степи не предвидѣлась, и казаки не захватили съ собой посуды, чтобы сварить чай. Пришлось въ сухую лещь спать. Казаки надергали изъ тына хворосту, зажгли небольшой костеръ больше для развлечения, чѣмъ для удовлетворенія физической потребности, — и всѣ улеглись на голой степи подъ открытымъ небомъ. Ночь была теплая и небо ясное; дождь не угрожалъ, но спать было душно, потому что пришлось закрыть голову пледомъ отъ комаровъ. Найманъ предлагалъ расположиться въ одной изъ киргизскихъ хижинъ; тамъ, онъ говорилъ, отъ комаровъ будетъ покойнѣе, если внутри дома развести курево, но за то тамъ была другая напасть—множество блохъ.

На другое утро голодные мы двинулись далѣе. Все видимое пространство степи было, какъ и вчера, безжизненно. Нигдѣ не было видно скота, ни одинъ всадникъ не показывался на горизонтѣ. По сю сторону горы Тохту—не было никакого сомнѣнія—аула не было; еслибъ онъ скрывался въ рывинѣ рѣчки, его присутствіе выдалъ бы бродившій около него скотъ. Всѣ наши надежды сосредоточились на той точкѣ дороги, гдѣ она огибаетъ гору Тохту и, слѣдуя параллельно долинѣ рѣки Акканъ-бурлука, поворачиваетъ на западъ. Тутъ мы ожидали увидѣть новое колѣно долины, которое было загорожено горой; въ немъ, можетъ быть, и прятался аулъ Валихановыхъ. Одинъ изъ казаковъ увидѣлъ на горѣ Тохту какія-то темныя пятнышки; онъ думалъ, что это бродитъ скотъ, но Найманъ сказалъ, что это можетъ быть и камни.

Наконецъ, мы доѣхали до критическаго пункта. Передъ нами открылось новое пространство, которое ранѣе было закрыто возвышенностями, но положеніе не измѣнилось. Ни одного радостнаго признака, ни малѣйшаго загадочнаго пятнышка! Всѣ начинаемъ волноваться. Казаки неохотно ѣдутъ впередъ; мы ждемъ, что сейчасъ начнется разладъ нашихъ интересовъ, что мы заспоримъ. И въ самомъ дѣлѣ, споръ между казаками и Найманомъ загорѣлся. По мнѣнію казаковъ, напрасно продолжать поиски аула Валихановыхъ; его тутъ нѣтъ и не было.

Въ самомъ дѣлѣ, что же было дѣлать? Чтобы ѣхать въ степь далѣе другія сутки, до тѣхъ поръ, пока не доѣдемъ до аула Валихановыхъ, нужно начать новые переговоры съ казаками; а что они запросятъ теперь, когда, кромѣ нихъ, никого нѣтъ? Или вернуться назадъ въ Бабьекъ?

Найманъ, однако, зналъ отлично обыкновенія своего народа, умѣлъ ориентироваться въ подобныхъ обстоятельствахъ и энергически настаивалъ на томъ, что надо ѣхать впередъ. Въ Кокчетавѣ киргизы сказали, что аулъ Валихановыхъ стоитъ у горы Тохту; не зря, конечно, сказали, обманывать не станутъ. Аулъ гдѣ нибудь тутъ. Султанъ Чингисъ тронулся съ лѣтовки на зимовку, и

другой дороги ему нѣтъ, какъ тутъ, мимо горы Тохту; ему некуда дѣваться. Султаны всегда стоятъ на рѣчкахъ; вотъ тутъ и рѣчка, и аулъ гдѣ нибудь подлѣ рѣчки.

Найманъ говорилъ съ такой увѣренностью, какъ будто все это было для него аксіомой. Казаки сдались и согласились еще податься немного впередъ, до ближайшаго бугра; если съ этого бугра ничего не увидимъ, поворотимъ назадъ. Доѣхали до бугра и не только до этого, но и до другого подальше, но никакихъ признаковъ аула не открылось. Казаки торжествовали. Никакого сомнѣнія, что аула близко нѣтъ; около большого аула гдѣ нибудь на горахъ былъ бы виденъ скотъ. Но это соображеніе казаковъ въ глазахъ Наймана не имѣло никакой цѣны: солище на вершинѣ неба, жара; зачѣмъ же скотъ будетъ ходить по горамъ; онъ теперь стоитъ сгруженный у рѣки на днѣ рѣчной рывины и его не видать.

Въ это время сзади насъ вдали были замѣчены два всадника, которые переѣзжали степь поперекъ нашей дорсги. Они какъ будто ѣхали къ тому же пункту, какъ и мы, только другой, болѣе прямой дорогой, черезъ гору. Появленіе всадниковъ окончательно убѣдило Наймана, что аулъ находится впереди на нашей дорогѣ. Они ѣдутъ налегѣ, безъ багажа, безъ вьючной заводной лошади, значить какіе то родственники или знакомые ѣдутъ въ гости въ аулъ, который гдѣ-то недалеко. Казаки должны были уступить и согласиться, что тутъ гдѣ-то есть аулъ,—если не тотъ, который мы ищемъ, то какой нибудь другой; въ немъ мы, по крайней мѣрѣ, что нибудь узнаемъ о Валихановыхъ.

Ѣдемъ. Вдругъ передъ нами открывается неглубокая впадина въ землѣ и въ ней какой-то таборъ. Вотъ и аулъ Валихановыхъ, думаемъ мы. Кажется, и Найманъ такъ думалъ. Но странно: юртъ не было видно; однѣ только телѣги съ уложенною на нихъ поклажею, завернутою войлоками, и между ними небольшіе балаганы, наскоро построенные изъ красныхъ юрточныхъ рѣшетокъ.

— Э, они кочуютъ! — сказалъ Найманъ, какъ только увидѣлъ таборъ.

Хотя я провелъ не мало времени въ степяхъ, но мнѣ никогда не приходилось кочевать вмѣстѣ съ кочевниками; во всѣхъ путешествіяхъ я ходилъ своимъ собственнымъ ауломъ и никогда не видалъ кочеваго табора на остановкахъ во время передвиженія съ лѣтовки на зимовку. Юртъ въ этомъ случаѣ не ставятъ, а устраиваютъ шалаши изъ юрточныхъ рѣшетокъ. Чаще всего берутъ два «каната» *) и ставятъ ихъ такъ, какъ дѣти строятъ домики изъ картъ, въ видѣ двускатной крыши; такіе шалаши называются по-киргизски *итъ-арка*, «собачья спина». Еще проще другой шалашъ,

*) Рѣшетка, изъ которой образуется цилиндрическая нижняя часть юрты, состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльных звеньевъ, которыя связываются вмѣстѣ; отдѣльное звено называется *канатъ*.

киргизское имя котораго я забылъ, а въ переводѣ оно значить «чангаракъ прислонень» *); это значить, что обручь, который образуетъ вершину свода юрты, прислонили къ телѣгѣ сзади да набросили на него войлокъ, и больше ничего.

Подѣхавъ къ табору, мы узнали, что это еще не аулъ Валихановыхъ, а чей-то чужой, что до аула Валихановыхъ еще остается съ версту проѣхать внизъ по той же рѣчкѣ. Вскорѣ, къ общему нашему удовольствію, мы увидѣли два другихъ аула, расположенныхъ на противоположномъ берегу рѣки Акканъ-Бурлука, одинъ выше по рѣкѣ, другой въ полуверстѣ ниже; первый былъ аулъ племянниковъ султана Чингиса, сыновей его брата Альджана, второй—его самого. Этотъ послѣдній состоялъ изъ десятка большихъ юртъ и нѣсколькихъ мелкихъ шалашей; юрты были окружены телѣгами, большею частью пустыми, разгруженными; двѣ бѣлыя юрты стояли на близкомъ другъ къ другу разстояніи; потомъ оказалось, что въ одной изъ нихъ помѣщался самъ султанъ Чингисъ съ женой, а въ другой его младшій сынъ Кокушъ съ своими дѣтьми.

Подѣхавъ къ рывинѣ, въ которой течетъ рѣка, мы остановились противъ аула на другомъ берегу. Насъ отъ аула отдѣляла только рѣчная рывина, на днѣ которой, частью въ водѣ, стояли табуны и стада, совершенно согласно предсказанію Наймана. Киргизъ, провожавшій насъ верхомъ на лошади отъ перваго табора, уѣхалъ впередъ съ нашими визитными карточками. Мы видѣли, какъ онъ переѣхалъ черезъ рѣку, поднялся на террасу, подѣхалъ къ юртамъ, слѣзъ съ лошади и вошелъ въ юрту Кокуша. Найманъ остался съ нами и, сидя на козлахъ, истолковывалъ тѣ движенія и дѣйствія, которыя мы замѣчали въ аулѣ и которыя, очевидно были вызваны нашимъ появленіемъ.

— Пошли съ докладомъ къ Чингису.

— Хотятъ принять, откинули тюндюкъ **); значить, гадать юрту, стелютъ коверъ.

Когда наши телѣги переѣхали рѣку и поднялись на террасу, изъ дверей юрты вышелъ прилично одѣтый мужчина лѣтъ около сорока, красивой наружности, съ важной осанкой и меланхолическимъ взглядомъ; это былъ Кокушъ. Онъ былъ одѣтъ почти по европейски; на немъ было бѣлое лѣтнее платье: пиджакъ и узкіе панталоны; только красная феска придавала его фигурѣ видъ мусульманина. Этотъ смѣшанный костюмъ напоминалъ булочника, азиатскаго турка въ Севастополѣ или въ Феодосіи въ Крыму. Приглашенные Кокушемъ войти въ юрту и уже знакомые съ киргизскимъ этикетомъ, мы съ султаномъ Султанъ-Газинымъ вошли и заняли свои мѣста на разостланномъ коврѣ, на правой половинѣ юрты. Разговоръ начался съ обычныхъ привѣтствій; Кокушъ говорилъ сдержанно, такъ что

*) Чангаракъ—деревянный обручь, которымъ вѣнчается сводъ юрты.

**) Войлокъ, которымъ закрывается верхнее дымовое отверстіе юрты.

мы не знали, пріятные ли мы гости или нѣтъ. Кокушъ недавно овдовѣлъ; на рукахъ его осталась застѣнчивая дѣвица Тума, въ возрастѣ младшей гимназистки, и рѣзвый мальчикъ Шерджанъ.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ другой юрты пришелъ Якубъ, старшій сынъ султана Чингиса, и разговоръ оживился. Якубъ былъ одѣтъ совершенно въ такой же костюмъ, какъ и Кокушъ. Это, очевидно, была киргизская мода конца XIX столѣтія. Якубъ властно вошелъ въ юрту, поздоровался съ нами громко, не церемонясь, и сѣлъ между нами и хозяиномъ юрты, т. е. занялъ первое мѣсто на хозяйской половинѣ, ступевавъ Кокуша на второй планъ. Онъ отдавалъ приказанія слугамъ Кокуша, какъ будто сидѣлъ въ своей собственной юртѣ, и къ нашему пріѣзду отнесся, какъ первое лицо въ аулѣ, общая устроить наше пребываніе въ степи. Словомъ, онъ былъ въ роли старшаго брата.

Черезъ полчаса въ юрту вошелъ киргизъ, очевидно, посолъ изъ юрты султана Чингиса, и обратился къ Якубу съ докладомъ. Выслушавъ его, Султанъ Якубъ передалъ намъ по-русски: «Папаша зоветъ васъ къ себѣ на чашку чаю!»

Мы двинулись въ главную юрту аула всей нашей компаніей: я, султанъ Султанъ-Газинъ и Найманъ, а также Якубъ и Кокушъ.

Въ главной юртѣ вмѣстѣ съ султанами Чингисомъ жили его жена (байбиче) и дѣвица Чаукобай, внучка Чингиса. Когда мы сидѣли въ юртѣ Кокуша, Якубъ старался приготовить насъ къ впечатлѣнію главной юрты; онъ, повидимому, боялся, какъ бы мы, увидѣвши Чингиса, не испытали разочарованія; онъ предупреждалъ насъ, что «папаша» теперь уже не прежній, сдѣлался большимъ старикомъ, умъ его сталъ ребяческій. Оказалось, что сынъ слишкомъ ужъ мрачными красками обрисовалъ состояніе своего отца. Султанъ Чингисъ, не смотря на свои 85 лѣтъ, еще бодрый старикъ; до послѣдняго времени онъ дѣлалъ свои перекочевки не въ тарантасѣ, а верхомъ на лошади; года три тому назадъ онъ женился на новой женѣ. Со старой женой Зейнепъ, матерью Чокана и его братьевъ, Чингисъ прожилъ 52 года.

Султанъ Чингисъ сидѣлъ у задней стѣны юрты, т. е. противъ дверей. Кровать съ нагроможденными ковриками и подушками занимала правый бокъ юрты; подлѣ кровати сидѣла байбиче; рядомъ съ нею дѣвица Чаукобай; она разливала чай.

Сидѣли мы съ поджатыми ногами. Въ молодости я умѣлъ сидѣть по турецки безъ утомленія, но отвыкъ, ноги мои не гнулись, и мнѣ было ужасно неловко, хотѣлось вытянуть ихъ впередъ. Султанъ Чингисъ замѣталъ это, но онъ не могъ себѣ представить, чтобы мои ноги были не въ состояніи согнуться, и думалъ, что вся причина въ узкихъ панталонахъ. Онъ приказалъ байбиче сейчасъ же достать мнѣ изъ султанскаго гардероба панталоны и рубашку киргизскаго покроя, посоветовалъ переодѣться въ это платье и рассказалъ, что одинъ его старшій пріятель чиновникъ Сотниковъ, кото-

рый въ сороковыхъ годахъ прѣзжалъ гостить къ нему изъ Омска каждое лѣто, всегда въ аулѣ одѣвался въ кочевой костюмъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ только мы кончили чай и стали раскланиваться съ султаномъ Чингисомъ, мнѣ подали киргизскій лѣтній костюмъ. Взявъ подъ-мышки эти вещественные знаки моего водворенія въ киргизскомъ аулѣ, я удалился въ юрту Кокуша, которая семейнымъ совѣтомъ была назначена для помѣщенія меня и моего спутника г. Султанъ-Газина.

Лѣтовка Валихановыхъ, т. е. мѣсто, гдѣ они проводятъ лѣто, находится у озера въ 20 верстахъ къ югу отъ того мѣста на Акканъ-бурлукѣ, гдѣ мы нашли эту семью. Аулъ уже двинулся съ лѣтовки на зимовку, и мы застали его въ ходу, но такъ какъ Валихановы имѣли намѣреніе простоять здѣсь нѣсколько дней, то аулъ былъ не въ кочевомъ порядкѣ, а какъ будто на постоянной стоянкѣ: были поставлены юрты, а временныхъ шалашей въ родѣ «собачьей спины» или «прислоненнаго чапгарака» не было.

Лѣтовка, *джайлау* для киргизъ самое веселое время. Зимой киргизы въ теченіе восьми мѣсяцевъ живутъ на одномъ мѣстѣ; понятно, что народъ долженъ размѣститься какъ можно просторнѣе, чтобы около каждой зимовки была достаточно обширная кормовая площадь для скота. Лѣтомъ этого простора въ такой мѣрѣ не требуется, и на лѣтовкахъ народъ живетъ болѣе оплочно, чѣмъ зимой. Известно, что англичане зиму проводятъ въ семейныхъ паркахъ, а лѣто въ Лондонѣ, и сезонъ увеселеній, театровъ и оперы у нихъ лѣто, а не зима, какъ на материкѣ,—и у киргизъ въ томъ же родѣ лѣто есть сезонъ игръ, скачекъ и всякаго рода спортовъ. Тутъ устраиваются борьба, бѣга и разныя другія игры и состязанія. Мы опоздали и уже не застали этихъ народныхъ развлеченій.

Разгаръ лѣтней жизни миновалъ, но всетаки до настоящаго конца сезона, т. е. до водворенія киргизъ въ ихъ зимнихъ хижинахъ еще оставалось около двухъ мѣсяцевъ и намъ было еще достаточно времени, чтобы испытать вдоволь всю прелесть пребыванія среди мычащихъ и блеющихъ стадъ и извѣдать «свѣтъ и тѣни» кочеваго образа жизни.

Когда вы водворяетесь въ киргизскомъ аулѣ, прежде всего вамъ бросается въ глаза, что вы неожиданно попали подъ негласный надзоръ, особенно ночью. Вы замѣчаете, что за вашими движеніями внимательно слѣдятъ; только вы приподнялись съ мѣста, какъ уже ваше намѣреніе оставить юрту угадано, слуга предупредительно приподнимаетъ занавѣску дверей, выходитъ вслѣдъ за вами изъ юрты и слѣдуетъ за вами по пятамъ въ почтительномъ разстояніи, но и не въ такомъ большомъ, въ какомъ вы бы желали. Волей-неволей вы должны подчиниться этому надзору, иначе на васъ нападутъ злыя аульныя собаки.

Постепенно вы знакомитесь и съ другими особенностями жизни среди мирныхъ стадъ. Вы думаете, что нигдѣ вы не найдете та-

кого благоараствореннаго воздуха ночью, нигдѣ вы не будете засыпать среди такой тишины и безмолвія, какъ въ киргизской палаткѣ, но вы ошибаетесь. На ночь киргизы пригоняютъ стада къ аулу; овцы укладываются спать посрединѣ аула, а коровы ложатся кругомъ. Какъ только стадо вошло въ аулъ, начинается возня. Телѣги скрипятъ, юрты ходуномъ ходятъ, потому что коровы и овцы начинаютъ чесаться и тереться объ нихъ. Ручные козлы всакиваютъ въ юрты, дебоширятъ, ходятъ по вашимъ ногамъ, если онѣ протянуты, и наступаютъ на вашу голову, если вы лежите. Это вторженіе четвероногихъ въ жизнь людей продолжается до тѣхъ поръ, пока стада не улягутся. Вы сидите въ юртѣ или палаткѣ ничего не видите и только по звукамъ, доносящимся до васъ, догадываетесь, что происходитъ внѣ юрты; тамъ что-то трещить, въ другомъ мѣстѣ комается, въ третьемъ что-то падаетъ на землю; еще далѣе женскіе голоса въ испугѣ кричатъ: ой ба ай! лошади пробѣжали, задѣли ногами за шнуры палатки и обронили уголь ея на сидѣвшихъ въ палаткѣ женщинъ. Вотъ что-то мѣдное зазвенѣло; изъ сосѣдней юрты раздается добродушный голосъ султана Чингиса:—Э, самаурнымъ басы кетты! (ахъ, пропала головушка у самовара!) Онъ тоже, сидя въ юртѣ, ничего не видитъ, но для его умственного зрѣнія стѣнъ не существуетъ, и онъ понялъ, что только что скипѣвшій самоваръ роковымъ образомъ пришелся на пути, по которому должна была пройти корова. За часъ времени, пока не улеглись стада, они успѣютъ привести пространство возлѣ юртъ въ такое состояніе, что всякій разъ, если вамъ случилось выйти изъ юрты въ темнотѣ, возвращаясь назадъ, вы должны самымъ внимательнымъ образомъ осмотрѣть свою обувь. Нѣсколько промаховъ, которые вы неизбѣжно дѣлаете, вскорѣ убѣждаютъ васъ, что, намѣреваясь поселиться въ киргизской юртѣ, вы поступаете вѣжливѣе по отношенію къ ея хозяину, если оставите русскую обувь и замѣните ее киргизской, т. е. надѣнете «ичиги», сафьяновые чулки и «кебисы», кожанныя калоши. Входя въ юрту, вы можете сбросить «кебисы» съ ноги у порога, какъ это дѣлаютъ киргизы, и тогда вы ступаете на дорогой персидскій коверъ подошвами чистыхъ «ичиговъ», не рискуя его запачкать.

Наконецъ, стада улеглись, но и тутъ еще они не совсѣмъ угомонились. Они вряхтять, пыхтять, стонуть, чихаютъ и издаютъ разныя другіе звуки; кромѣ того, эти «дѣти природы» портятъ воздухъ съ невѣроятностью, приводящею въ отчаяніе. Если потянулъ ночью легкій вѣтерокъ, вы радуетесь его прохладѣ, но если онъ тянетъ съ той стороны, въ которой расположилось стадо, вы не знаете куда дѣваться. Днемъ животныя ведутъ себя самымъ беззащитнымъ образомъ. То приходится зажимать носъ, то закрывать глаза. А иногда наоборотъ—нужно смотрѣть въ оба, потому что можетъ случиться, что невдалекѣ отъ вашей юрты корова разрѣшится отъ бремени, вы не замѣтите родившагося теленка, проби-

раясь мимо него домой, и чадолюбивая родительница может своими рогами освободить васъ отъ вашихъ внутренностей.

Простоявъ дня два или три на Акканъ-бурлукѣ, аулъ Валхановыхъ двинулся далѣе на сѣверъ, по дорогѣ на зимовку, къ урочищу Серембетъ, гдѣ у султана Чингиса построены большой деревянный домъ. Намъ пришлось кочевать вмѣстѣ съ ауломъ, и тутъ я въ первый разъ близко познакомился съ процессомъ киргизскаго кочеванія.

Наканунѣ кочевки, еще съ утра было объявлено намъ, что завтра мы кочуемъ, что вечеромъ юрты будутъ разобраны, и мы ночуемъ подъ открытымъ небомъ. Когда солнце начало садиться, люди стали готовиться къ кочевкѣ; прежде всего началась укладка вещей въ телѣги. Когда всѣ вещи, за исключеніемъ немногихъ, безъ которыхъ нельзя было обойтись ночью, были уложены въ телѣги, покрыты войлоками и увязаны, начали снимать войлока съ юрты; вскорѣ тамъ, гдѣ недавно стояли бѣленькія полушарія, видны были только красныя кружева деревянныхъ остововъ юрты; разрушеніе шло далѣе, и эти кружева были разобраны на части, а когда солнце сѣло, аулъ превратился въ таборъ. Мы были теперь на кочевомъ положеніи. Аулъ получилъ, если можно такъ сказать, другой силуэтъ. Онъ сдѣлался плосче, принялъ болѣе приплюснутый видъ; пустыя телѣги исчезли, всѣ телѣги наполнились и сдвинулись. Аулъ сдѣлался плотнѣе. Жизнь стала болѣе уличною; ранѣе часть огней скрывались въ юртахъ, теперь скрытыхъ огней не было, всѣ они стали наружными. Людскіе разговоры тоже не заглушались болѣе стѣнами; они велись на открытомъ воздухѣ. Аулъ сталъ оживленнѣе, поэзи прибавилось.

Мы шли отъ Акканъ-бурлука до Серембета одиннадцать дней: вставали по утрамъ рано, въ 4 часа, до свѣту. Меня будилъ обыкновенно скрипъ телѣгъ. Сначала раздается отдѣльный скрипъ въ одномъ концѣ стана; это значитъ, одну изъ телѣгъ потревожили съ мѣста, подтащили впередъ или завернули оглоблями по пути; значитъ, хотятъ запрягать въ нее быка: потомъ такой же скрипъ доносится изъ другого конца стана; другую телѣгу сдвинули съ мѣста. Черезъ нѣсколько минутъ скрипѣніе начинается во всѣхъ концахъ: отовсюду слышны отдѣльныя, отрывистыя скрипы съ болѣе или менѣе продолжительными перерывами. Проходить еще нѣсколько минутъ, и вы замѣчаете, что въ одномъ какомъ-то мѣстѣ эти отрывистыя скрипы слились въ непрерывающееся скрипѣніе, хотя изъ другихъ частей стана несется телѣжная музыка въ прежнемъ родѣ: вы понимаете, что нѣсколько телѣгъ вытянулись въ лѣнію и потянулись въ дорогу; вмѣстѣ съ удаленіемъ отъ стана скрипъ этихъ телѣгъ становится тише, но за то на другомъ концѣ начинается новая непрерывная арія: еще группа телѣгъ пустилась въ ходъ. Гдѣ-то въ отдаленіи за рошей началась такая же скрипучая арія, которую едва слышно: это потянулись телѣги изъ ауловъ Альджа-

новцевъ или Чепеевцевъ, т. е. изъ ауловъ племянниковъ султана Чингиса, дѣтей его братьевъ Альджана и Чепе, аулы которыхъ стояли отдѣльно отъ аула Чингиса. Все еще темно, разсвѣтъ еще не начинался, а уже все пространство оглашается скрипомъ телѣгъ, точно въ ночномъ небѣ совершается перелетъ ночныхъ птицъ; вы припоминаете изъ Слова о полку Игоревѣ: «заскрипѣли телѣги половецкія, рцы лебеди во полунощи». Двигающіяся человѣческія фигуры видны только на близкомъ разстояніи; контуры окружающей станъ рощи не выдѣляются на темномъ фонѣ неба.

Но вотъ, позади рощи образуется бѣловатый фонъ; начинается разсвѣтъ; тѣнь сбѣгаетъ съ земной поверхности и быстро отступаетъ вдаль. Сначала мы различаемъ подробности только внутри нашего стана, а погсмъ становятся доступными зрѣнію и дальніе планы. На нашемъ станѣ остались только послѣднія телѣги, на которыхъ торопятся сложить наши постели, части нашихъ импровизированныхъ палатокъ и посуду, которая служила намъ при вчерашней послѣдней трапезѣ, да остался еще тарантасъ, въ которомъ поѣдетъ султанъ Чингисъ съ байбице и двумя внуками, дѣвцами Чаукобай и Тума.

Пространство впереди нашего стана усеяно рядами движущихся телѣгъ; переднія телѣги уже вытянулись въ одну линію и идутъ по дорогѣ, но это не самые передніе ряды; тѣхъ, конечно, уже не видать: они скрылись за неровностями почвы и за березовыми рощами. Самые задніе ряды еще не вышли на дорогу; они вразбродъ тянутся и справа, и слѣва, какъ ручьи къ общему руслу.

Тамъ, гдѣ были раскинута станы Альджановцевъ и Чепеевцевъ, видны только кучки осѣдланныхъ лошадей и копошащихся около нихъ пѣшеходовъ. На нашемъ станѣ тоже готовыя лошади стоятъ связанныя и ждутъ сѣдоковъ. Мы ждемъ перваго солнечнаго луча. Кокушъ съ двумя ассистентами будетъ совершать на разостланныхъ на землѣ халатахъ утренній намазъ.

Лошади, которыя пойдутъ сегодня подъ сѣдломъ, всѣ переловлены; табунъ стоитъ спокойно, точно тяжелая черная масса лежитъ на землѣ; но вотъ эта масса дрогнула, двинулась волѣдъ за телѣгами, лошади захрапѣли и зафыркали, два пастуха, какъ два маятника, замотались позади заднихъ рядовъ, и табунъ тоже началъ удаляться. Тронулись и тарантасы съ киргизскими дамами; легкой рысцой догоняютъ они караванъ и перегоняютъ его.

По окончаніи намаза мы, немногіе оставшіеся отъ каравана, садимся на лошадей. Султанъ Чингисъ, какъ я уже сказалъ, не смотря на свои 85 лѣтъ, все еще кочуетъ верхомъ на лошади, но на этотъ разъ онъ сѣлъ въ тарантасъ, а своего коня и свое сѣдло пзъ любвиности уступилъ мнѣ; Якубъ тоже сѣлъ въ тарантасъ, а сѣдло свое уступилъ моему товарищу г. Султанъ-Газину. Мой конь былъ бѣлый, красивый, самый высокій во всемъ табунѣ, съ мягкой, ласкающей, какъ мелодія, походкой. Бѣда была только въ томъ,

что при маленькомъ моемъ ростѣ мнѣ было трудно садиться на такую высокую лошадь. Я не могъ обойтись безъ посторонней помощи; мнѣ приходилось чуть не выше моего тѣмени поднимать свою ногу, чтобы вставить носокъ ея въ стремя, причемъ, еслибъ мнѣ не помогали, я упалъ бы навзничъ прежде, чѣмъ вдѣть ногу. Помогали мнѣ такимъ образомъ: прежде всего подпирали мнѣ ладонями спину, а потомъ брали мою ногу и всовывали ее въ стремя. Конечно, взгромоздившись на высокаго коня, я въ теченіе перехода чувствовалъ себя безпомощнымъ; при другихъ условіяхъ я съ охотой отказался бы отъ ѣзды на такой башнѣ, но въ этомъ случаѣ было бы безтактно просить о смѣнѣ лошади: это значило бы не оцѣнить, какъ слѣдуетъ, ласку хозяина, который меня пожаловалъ собственнымъ конемъ. Да кромѣ того, ѣзда на такомъ чудесномъ ковѣ имѣла большую прелесть,—она вызывала въ сѣдока спокойное настроеніе.

Кокушъ былъ начальникъ нашего движенія, колоновожатый, центральная фигура кочевки. Во время пути къ нему подъѣзжали родственники, племянники султана Чингиса, здоровались и ѣхали рядомъ, составляя его свиту. Многие изъ членовъ этой свиты вели на рукахъ ловчихъ соколовъ и ястребовъ. Всегда къ этой компаніи присоединялся также мулла, веда въ поводу лошадь, на которой въ дѣтскомъ особаго устройства сѣдлѣ ѣхалъ его пятилѣтній сынъ, привязанный къ сѣдлу.

Аулъ двигался въ такомъ порядкѣ: по дорогѣ или вдоль ея по степи шли телѣги, запряженные быками, и тарантасы, запряженные лошадьми. Влѣво отъ обоза шли лошади, вправо—бараны. Наконецъ, небольшой фронтъ изъ всадниковъ съ Кокушемъ во главѣ держался либо вправо, либо влѣво отъ обоза.

Современная картина кочевки не даетъ понятія о томъ, какъ кочевали здѣшніе киргизы прежде, когда въ здѣшнемъ краѣ киргизы держали верблюдовъ. Лѣтъ двадцать какъ это животное здѣсь уже не разводять. Въ періодъ верблюдоводства багажъ перевозился обыкновенно на верблюдахъ; на быкахъ перевозили только кухонную посуду. Вьюки на верблюдахъ покрывали коврами. Каждую связку изъ семи или восьми верблюдовъ вела обыкновенно молодая замужняя женщина въ «соуколе», т. е. въ высокой острокопечной шляпѣ, украшенной серебромъ, маржаномъ и жемчугомъ. Всѣ дѣвѣны ѣхали верхомъ на-ряду съ джигитами. Кочевка была наряднѣе и толпа всадниковъ была многочисленнѣе. Теперь блеску много убавилось. Быки, идущіе въ оглобляхъ, далеко не такъ величественны, какъ верблюды.

Интересно, что, хотя способъ передвиженія существенно измѣнился, роль женщины осталась прежняя; прежде она кочевала при багажѣ, и теперь тоже при багажѣ; только прежде она ѣхала верхомъ на лошади и вела верблюдовъ; теперь она сидитъ на козлахъ и править быкомъ. Эти женщины, сидящія на вовахъ, съ голо-

вами, покрытыми бѣлыми «джавлуками», придаютъ оригинальный видъ киргизскому обозу. Въ особенности странно видѣть, что и на козлахъ тарантасовъ, въ которыхъ переключиваются киргизскія дамы, тоже сидятъ киргизки въ бѣлыхъ джавлукахъ и правятъ тройками лошадей. Когда бытъ измѣняется, нерѣдко нѣкоторые манеры и фасоны остаются при новыхъ формахъ быта, хотя существованіе ихъ не оправдывается потребностями; такъ, резиновыя калоши почему-то дѣлаются съ кожными рантами, какъ будто изъ подражанія калошамъ изъ кожи.

Подвигаясь такимъ образомъ къ сѣверу, мы, наконецъ, подошли близко къ урочищу Серембетъ. Оставалось верстъ пятнадцать или семнадцать до дома, въ которомъ султанъ проводитъ зиму. Тутъ Валихановы стоятъ мѣсяцъ, чтобы не вытравить преждевременно корма около Серембета. Прежде аулъ султана Чингиса приходилъ на это урочище позже; съ каждымъ годомъ, какъ и всѣ другіе киргизскіе аулы, Валихановы начинаютъ приходить на зимовку ранѣе, чтобы не упустить сѣнокосное время. Прежде, когда киргизы не косили сѣна, имъ нечаянно было торопиться на зимовки; они могли дольше оставаться на югѣ, на степныхъ кормахъ,—да и самыя лѣтовки были тогда южнѣе. Теперь съ каждымъ годомъ и разстояніе между лѣтовкой и зимовкой сокращается, и уменьшается также степной сезонъ.

Дня за два или за три до прихода на Серембетъ Валихановскіе аулы стали убывать; народъ сталъ уходить на сѣверъ, ближе къ зимовкамъ, около которыхъ расположены сѣнокосные луга; когда-же мы остановились на послѣднюю стоянку, на другой день въ нашемъ аулѣ остались одни только три барскія юрты; остальные юрты и шалаши съ ихъ телѣгами ушли на сѣнокосы.

На этой стоянкѣ я познакомился съ остальными двумя сыновьями султана Чингиса. Одинъ изъ нихъ Махмудъ; его аулъ очутился отъ нашего аула въ разстояніи не болѣе четверти версты. Я сдѣлалъ ему визитъ, и мы потомъ очень часто видѣлись. Мнѣ было очень пріятно съ нимъ познакомиться, такъ какъ онъ прекрасно говоритъ по русски. Султанъ Махмудъ кончилъ курсъ, какъ и Чоканъ, въ кадетскомъ корпусѣ, учился потомъ немного въ Петербургѣ, служилъ въ военной службѣ, дослужившись до чина поручика, вышелъ въ отставку и теперь живетъ въ степи, кочуетъ и занимается сельскимъ хозяйствомъ; ни одинъ изъ Валихановыхъ не имѣетъ такой большой пашни, какъ онъ.

Чтобы познакомиться съ другимъ братомъ, Макѣ, я долженъ былъ съѣздить въ Серембетъ. Макѣ нынѣшнимъ лѣтомъ отказался кочевать и все лѣто провелъ на зимовкѣ. Какъ только мы пришли на послѣднюю стоянку, у насъ начались частыя сношенія съ Серембетомъ; люди изъ нашего аула стали ѣздить въ Серембетъ, жители Серембета пріѣзжали къ намъ. Макѣ давно уже заказывалъ сказать, что онъ ждетъ меня. Якубъ пригласилъ меня поѣхать съ нимъ

вмѣстѣ, и мы большой компаніей верхомъ на лошадяхъ отправились въ гости къ Макѣ.

Ѣхали почти всю дорогу между березовыми рощами, то по тѣнистой аллеѣ внутри рощи, то по прогалинѣ между рощами. На прогалинахъ было уже наставлено много стоговъ накошеннаго сѣна. То вправо, то влѣво отъ дороги были видны киргизскія усадьбы или зимовки. Мы не успѣли еще выѣхать изъ березовыхъ рощъ, какъ надъ вершинами березъ показалась желтовато-сѣрая верхушка горы Серембетъ.

Березовыя рощи вдругъ обрѣзались, и мы выѣхали на сухую степь, которая образуетъ подошву Серембета. Гора передъ нами во весь ростъ отъ вершины до подошвы. Мы выѣзаемъ на какую-то узатанную дорогу, по которой, очевидно, не мало проѣхало телѣгъ и тарантасовъ. Это дорога изъ Прѣсновской станицы, которая находится на Казачьей линіи около города Кургана, въ городъ Атбасаръ, лежащій въ центрѣ Киргизской степи. По этой дорогѣ мы быстро домчались до усадьбы султана Чингиса, расположенной подъ западнымъ мысомъ горы Серембетъ.

Усадьба султана Чингиса состоитъ изъ большого барскаго дома съ тремя флигелями, амбарами и мечетью. Въ главномъ домѣ зимой помѣщается самъ султанъ Чингисъ съ семьей младшаго сына Коккупа, во флигеляхъ—Макѣ, разведенная жена Якуба съ его дѣтьми (бывшая сначала женою Чокана) и мулла. Усадьба расположена на открытой площадкѣ, надъ которой съ востока возвышается гора Серембетъ, покрытая на этой сторонѣ основнымъ лѣсомъ, съ Запада большая березовая роща отдѣляетъ усадьбу отъ большого озера, воды котораго видны между стволами березъ.

Макѣ верхомъ на лошади выѣхалъ къ намъ на встрѣчу. Его юрта стояла въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ усадьбы, на окраинѣ березовой рощи. Макѣ получилъ образованіе въ школѣ глухонѣмыхъ въ Петербургѣ, на Гороховой улицѣ (онъ глухонѣмой), потомъ служилъ въ разныхъ канцеляріяхъ въ Петербургѣ и Омскѣ, (въ Петербургѣ пробылъ всего одиннадцать лѣтъ), такъ что изъ всѣхъ сыновей султана Чингиса это былъ самый обрусѣлый. Миѣ говорили, что, когда онъ наѣзжаетъ зимой въ Кокчетавъ, въ русскомъ клубѣ его принимаютъ, какъ пріятнаго гостя; его любятъ тамъ за его общительный характеръ и галантное обращеніе. Къ сожалѣнію, я не владѣю искусствомъ говорить знаками съ глухонѣмыми и потому не могъ ближе сойтись съ Макѣ, но когда я ѣхалъ изъ Кокчетавъ разыскивать аулъ Валихановыхъ, я думалъ, что если я съ кѣмъ изъ четырехъ живыхъ братьевъ заведу наиболѣе откровенныя связи, то именно съ Макѣ.

Макѣ недавно овдовѣлъ и женился вновь. Отъ прежней жены у него остались хорошенькая дочка и два мальчика. Новая жена, татарка изъ города Петропавловска или, кажется, киргизка, но выросшая въ Петропавловскѣ: кажется отецъ ея, киргизъ, посе-

лившіяся въ Петропавловскѣ и отатарившіяся. Киргизки не прячутся отъ мужчинъ и не закрываютъ лица, а жена Маке все время, пока мы жили въ его юртѣ, не выходила изъ-за занавѣски. Иногда Маке отдергивала занавѣску, чтобы похвастаться намъ ея красотою, но она снова ее задерживала.

Въ юртѣ Маке мы провели сутки и вернулись въ аулъ султана Чингиса.

Урочище Серембетъ было пожаловано матери султана Чингиса, ханшѣ Айханымъ, второй женѣ послѣдняго киргизскаго хана Вали, по имени котораго и серембетевскіе помѣщики называются Валихановыми. Въ жалованномъ документѣ было сказано, что земля эта отдается въ безспорное пользованіе ханшѣ Айханымъ съ ея потомствомъ и родами Атачай и Караулъ. Впослѣдствіи это «безспорное» владѣніе сама администрація стала оспаривать у Валихановыхъ. Владѣльцы земли, пользовавшіеся ею болѣе полустолѣтія, привыкли смотрѣть на нее, какъ на собственность; мѣстная администрація только въ позднѣйшее время (кажется, въ шестидесятыхъ годахъ) вздумала обсудить, какъ понимать поземельныя права серембетевцевъ, и рѣшила, что они не собственники, а только имѣющіе урочище Серембетъ во временномъ пользованіи.

Пожалованіе земли въ безспорное пользованіе ханской семьѣ было сдѣлано въ разсчетъ на услуги Россіи, которые ожидалось отъ ханской семьи, и въ самомъ дѣлѣ, едва ли можетъ быть названа какая-нибудь другая киргизская семья, которая питала бы такія дружественныя чувства къ русскимъ, какъ семья султана Чингиса. Самъ Чингисъ Валиевичъ обучался въ русской школѣ переводчиковъ въ Омскѣ и, слѣдовательно, съ дѣтства привыкъ къ русскимъ; впослѣдствіи, когда онъ служилъ, управлялъ Кушмурунскимъ округомъ и занималъ должность представителя отъ киргизскаго народа при областномъ правленіи въ Омскѣ, онъ постоянно велъ дружбу съ самыми интеллигентными русскими чиновниками въ Омскѣ, который былъ центромъ управленія степью,—сначала съ чиновникомъ Сотниковымъ, потомъ съ домами Гутковского и Капустина. Сотниковъ, ориенталистъ изъ казанскаго университета, влюбился въ киргизскій народъ; каждое лѣто онъ пріѣзжалъ въ аулъ султана Чингиса и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ кочевалъ вмѣстѣ съ нимъ по кушмурунскому округу, жилъ въ киргизской юртѣ и одѣвался по киргизски; по его-то совѣту Чингисъ Валиевичъ отдалъ своего второго сына Чокана учиться въ кадетскій корпусъ въ Омскѣ. Семейства Капустинныхъ и Гутковскихъ, состоявшихъ въ близкомъ родствѣ между собою, были центромъ омской интеллигенціи: въ этихъ домахъ собирались образованные чиновники и молодые офицеры; тутъ можно было встрѣтить офицера генеральнаго штаба, художника или чиновника литератора, ученаго путешественника, заѣхавшаго въ Омскъ по дорогѣ въ Центральную Азію, или поэта, очутившагося здѣсь въ качествѣ «невольнаго стран-

ника». Чоканъ, сынъ султана Чингиса, былъ принятъ въ семействѣ Гутковскихъ, какъ родной сынъ, и это имѣло такія послѣдствія, какъ будто два дома, одинъ русскій, Гутковскихъ, и другой киргизскій, Валихановыхъ, породнились между собою. Кромѣ Чокана, султанъ Чингисъ далъ русское образованіе еще двумъ своимъ сыновьямъ—Махмуду и Маке; старшій сынъ Якубъ не учился въ русской школѣ, но онъ говоритъ по-русски, служилъ на выборныхъ должностяхъ и тоже до извѣстной степени обрусѣлъ; только одинъ Кокушъ остался не затронутымъ русскимъ влияніемъ. Словомъ, Валихановы одно изъ самыхъ русифицированныхъ киргизскихъ семействъ. Къ перечисленнымъ членамъ этого дома нужно еще присоединить Мусу Чорманова, дядю Чокана по матери, т. е. брата первой жены султана Чингиса. Муса Чормановъ, теперь уже умершій, подобно султану Чингису, долго состоялъ на русской службѣ, то какъ управитель цѣлаго киргизскаго округа (баян-аульскаго), то какъ представитель отъ киргизскаго народа при омскомъ областномъ правленіи. Онъ былъ извѣстенъ въ Омскѣ, какъ человекъ врожденнаго ума и знатокъ киргизской жизни. Въ теченіе не менѣе полулѣта омская администрація пользовалась совѣтами и влияніемъ на степное населеніе этихъ трехъ лицъ: султана Чингиса, его сына Чокана и его свояка Мусы Чорманова, какъ самыхъ свѣдующихъ въ степныхъ обычаяхъ людей. Въ архивахъ омскихъ канцелярій, вѣроятно, найдется не мало трактатовъ и записокъ о киргизскомъ хозяйствѣ или о киргизскихъ судебныхъ порядкахъ и т. п., или составленныхъ Чоканомъ по собраннымъ имъ лично даннымъ, или написанныхъ подъ диктовку Мусы или султана Чингиса. Съ одной стороны, члены семейства Валиханова были незамѣнимыми помощниками мѣстныхъ администраторовъ въ управленіи областью, съ другой—примѣръ этого семейства, преданнаго русскимъ интересамъ, не оставался безъ влияния на верхній классъ степного населенія, на классъ султановъ, биевъ и богатыхъ людей. Особенно же вліятельнъ былъ для степи примѣръ Чокана Валиханова. Это былъ небывалый феноменъ—киргизскій юноша, офицеръ, принадлежавшій къ свитѣ генераль-губернатора, принятый въ высшемъ кругу въ мѣстной столицѣ Омскѣ, мало того, пользовавшійся въ мѣстномъ русскомъ обществѣ репутаціей человека съ блестящими умственными способностями и съ благороднымъ направленіемъ мыслей. Чоканъ придалъ такой блескъ имени Валихановыхъ, что другіе валиханиды, не называвшіеся Валихановыми, получившіе свои фамильныя прозвища не по имени хана Вали, а по именамъ его сыновей, стали потомъ добиваться замѣны ихъ негромкихъ фамилій славнымъ именемъ Валихановыхъ. Въ средѣ ближайшихъ родственниковъ Чокана память о немъ хранится, какъ о добромъ семейномъ гени. И теперь еще чувствуется духовное наслѣдство, оставленное Чоканомъ въ родной семьѣ; онъ показалъ имъ, какого тонкаго судью человѣческихъ поступковъ

вырабатываетъ европейская культура. Чоканъ былъ киргизскій патриотъ, но въ то же время это былъ и патриотъ русскій, и если бы изъ киргизскаго народа было вызвано побольше Чокановъ, связан той части киргизскаго народа, которая заправляетъ киргизскою жизнью, съ русскимъ обществомъ были бы прочнѣе. Если въ средѣ киргизовъ и найдутся лица, которыя могутъ быть поставлены, по ихъ заслугамъ русской жизни, рядомъ съ старшими членами семейства Валихановыхъ, съ султаномъ Чингисомъ или Мусой Чормановымъ, то не найдется ни одного, за которымъ возможно было бы признать значеніе, равное съ Чоканомъ.

Такое общественное значеніе серембетевскихъ владѣльцевъ усложняетъ рѣшеніе серембетевскаго вопроса. Пусть Валихановы уже бесполезны для русскихъ цѣлей, все же рѣшеніе вопроса о земляхъ Серембетевскаго урочища будетъ имѣть значеніе добраго или дурнаго прецедента для киргизъ въ будущемъ.

Поземельныя отношенія урочища Серембетъ въ настоящемъ ихъ видѣ довольно странны и запутаны. Это не собственность, но и не общинная земля. Урочище находится въ пользованіи у трехъ классовъ людей; на немъ сидятъ, во 1-хъ, султанскія дѣти, сыновья, внуки и племянники султана Чингиса; во 2-хъ, бывшіе тюленгуты, т. е. бывшіе ихъ рабы или крѣпостные, и въ 3-хъ, свободные люди родовъ Атагай и Караулъ; всего, кажется, до пятидесяти отдѣльныхъ хозяйствъ. Не то это общинная земля, находящаяся въ пользованіи общины, въ составъ которой, вопреки обычному порядку, входят и султанскія дѣти, т. е. дворяне, что то въ родѣ всесословной волости, не то помѣстье, куда помѣщикомъ припущены и простые люди. Не знаю, есть-ли въ киргизской степи еще другой участокъ въ такихъ же условіяхъ пользованія.

Отношенія эти усложняются еще тѣмъ, что одинъ изъ сыновей султана Чингиса, Махмудъ, по соглашенію съ другими серембетевцами, выдѣлился, и въ его пользованіе вырѣзанъ особый участокъ земли; кромѣ того, омская администрація, вѣроятно бывшій генералъ-губернаторъ Колпаковскій, желая, вѣроятно, сгладить непріятное впечатлѣніе рѣшенія вопроса о Серембетѣ не въ смыслѣ потомственной собственности, возбудилъ ходатайство о надѣленіи султана Чингиса въ потомственное владѣніе двумя тысячами десятинъ земли изъ того же Серембетевскаго урочища. Пестрота еще болѣе увеличится, когда мѣстная администрація приведетъ въ исполненіе свое предположеніе основать русскій поселокъ въ самомъ центрѣ серембетевской территоріи, въ мѣстности Акбасъ, гдѣ находится зимовка Якуба. Теперь этотъ вопросъ о распространеніи русской колонизаціи на урочище Серембетъ волнуетъ Валихановыхъ. Они говорятъ: «Мы не противъ основанія поселка въ будущемъ, но желали бы, чтобы намъ дали нѣсколько лѣтъ обдумать новое наше положеніе и приготовиться къ надвигающимся условіямъ жизни».

Мы вовсе не намѣрены настаивать на признаніи Валихановыхъ

потомственными владѣльцами Серембета; такая раздача земель въ частныя руки будетъ непредусмотрительностью, вредною для того же киргизскаго народа. Но нельзя и легкомысленно отнестись къ этому вопросу въ виду тѣхъ явленій, которыя совершаются рядомъ. На земляхъ, нѣкогда принадлежавшихъ киргизамъ, поселены сибирскіе и оренбургскіе казаки; изъ бывшихъ киргизскихъ земель нарѣзаны надѣлы казачьимъ станицамъ, а также и участки казачьимъ офицерамъ, хорунжимъ и сотникамъ по 600 десятинъ, а генераламъ и значительно болѣе. Затѣмъ офицерамъ предоставлено право свои участки продавать. Пользуясь этимъ, какъ мы слышали, купцы въ предѣлахъ оренбургскаго войска скупаютъ офицерскія земли и создаютъ такимъ путемъ крупныя помѣстья; въ особенности много скупилъ такихъ земель какой-то уфимскій или казанскій татаринъ. Если это правда, то какъ же такъ? Киргизскій султанъ, предки котораго жили на этой землѣ еще до прихода русскихъ, султанъ, услуги котораго, оказанныя русскому государству, безспорны, обидень въ правѣ получить участокъ въ собственность, а казачій офицеръ, объ услугахъ котораго, ничего неизвѣстно, который, можетъ быть, служилъ заурядно,—подъ бокомъ у заслуженнаго султана получаетъ земельный участокъ въ потомственную собственность.

Видъ султанской усадьбы не произвелъ на меня пріятнаго впечатлѣнія. Во первыхъ, нѣтъ около усадьбы огорода; это лишаетъ картину домовитости; точно это почтовая станція, а не усадьба. Кто проѣзжалъ по Башкиріи, тому припомнились бы не домовитыя усадьбы башкиръ, которыя тоже у человѣка, привыкшаго къ картинамъ осѣдлости, вызываютъ гнетущее чувство, слѣдующее всегда за сознаніемъ, что вы стоите передъ вымирающимъ народомъ. Эти султанскіе дома и флигеля, стоящіе на степи безъ заборовъ и огородовъ, или съ повалившимися заборами, съ разсыпавшимися воротами, заставляютъ васъ спрашивать себя: неужели и киргизскій народъ ждетъ та же участь, какая постигла башкировъ, т. е. участь угасающаго племени?

Другое обстоятельство, надъ которымъ приходится задуматься,—это то предпочтительное расположеніе, которое въ султанскихъ усадьбахъ оказывается мусульманскому обученію дѣтей. Въ серембетевской усадьбѣ живетъ мулла; для него и для его школы построены особый домъ. Конечно, все это вполне естественно; но хотѣлось бы, чтобы султаны и вообще «влиятельные люди» изъ киргизъ, рядомъ съ муллой, приглашали бы для обученія своихъ дѣтей и русскихъ учителей. Чуть ли это не общее явленіе въ степи—умный и способный киргизъ начинаетъ служить, по дѣламъ службы ему приходится часто бывать въ русскомъ городѣ, даже дѣльными годами жить въ немъ, и онъ усваиваетъ европейскія привычки, вкусы и даже нѣкоторыя изъ нашихъ идей; потомъ онъ становится старъ, прекращаетъ службу, удаляется въ степь; связи съ русскимъ обществомъ порываются, а тутъ еще появляется мысль о близкой смерти;

личные земные интересы, можетъ быть, и остаются въ прежней силѣ, но энергія къ общественнымъ интересамъ ослабѣваетъ, и человекъ подпадаетъ подъ вліяніе народныхъ вкусовъ.

Мусульманско-клерикальное направленіе съ каждымъ годомъ усиливается въ степи. Отдѣльные киргизскія семейства или лица, вначалѣ подчинившіяся русскимъ вліяніямъ, подъ конецъ поддаются и поглощаются общимъ теченіемъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ положеніе дѣлъ, можетъ быть, было благопріятнѣе для прониканія европейскихъ идей въ киргизскую среду. Мулла изъ киргизъ было мало; большею частью это были казанскіе татары; свои киргизскіе муллы если и были, то это были ученики казанскихъ муллъ. Теперь это измѣнилось: съ завоеваніемъ Туркестана молодые люди изъ киргизъ стали уѣзжать въ «святую» Бухару; они изучаютъ тамъ персидскій и арабскій языки и мусульманскій законъ и, возвратившись на родину, становятся муллами. Бухарскіе богословы извѣстны своимъ фанатизмомъ; ихъ ученики распространяютъ въ киргизскомъ народѣ ханжество, отвращеніе къ европейской наукѣ и щеголянье персидскими и арабскими фразами; молодые люди въ султанскихъ семьяхъ любятъ въ многолюдномъ обществѣ пустить пыль въ глаза, выпаливъ одну или двѣ персидскія фразы, изъ которыхъ чаще всего и состоитъ весь ихъ арсеналъ. Персидско-арабская культура проникаетъ и ниже; иногда даже слуги, на голосъ барина отвѣчаютъ: «Готово! сейчасъ!» не на киргизскомъ, а на арабскомъ языкѣ. А если и есть киргизы, познакомившіеся съ персидскимъ или арабскимъ языками, какъ слѣдуетъ, то и тогда изученіе этихъ языковъ не имѣетъ другихъ цѣлей, кромѣ тщеславія и расчета на званіе ученаго человека, — здороваго воспитательнаго значенія въ этомъ изученіи нѣтъ.

Рядомъ съ этимъ, растущимъ и въ ширь, и въ глубь киргизскаго народа, клерикальнымъ вліяніемъ, русское, т. е. свѣтское культурное вліяніе ограничивается одной внѣшностью — поярковыми шляпами, жилетами, галстуками, пиджаками и узкими панталонами самоварами, керосиновыми лампами, тарантасами; въ духовную жизнь народа оно почти не проникаетъ.

Да оно и понятно. Русская наука, русская исторія, русская литература и вообще русское умственное движеніе мало трогаютъ сердце киргиза. Торжествующимъ средствомъ въ борьбѣ съ мусульманскимъ клерикализмомъ можетъ быть только свое киргизское свѣтское направленіе; чтобы оно появилось, нужно возбудить въ верхнихъ слояхъ киргизскаго народа интересъ къ своей народности, интересъ къ изученію своего родного, своей исторіи, своихъ обычаевъ, своихъ устныхъ памятниковъ старины. Пока интересъ къ киргизской народности пробужденъ только у ориенталистовъ, этнографовъ, фольклористовъ, но они занимаются изученіемъ киргизской народности только для пополненія европейскаго знанія, а вовсе не въ цѣляхъ пробужденія самосознанія киргизскаго народа. Пожалуй,

есть отдѣльныя личныя симпатіи къ самому киргизскому народу, независимыя отъ интересовъ науки, но онѣ не сплочены въ организацію и потому безрезультатны въ данномъ смыслѣ.

Число образованныхъ киргизъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ каждымъ годомъ увеличивается; къ сожалѣнію, по окончаніи курса молодые люди не образуютъ живущей въ одномъ мѣстѣ колоніи, а рассыпаются по обширной киргизской территоріи или, что еще не выгиднѣ для киргизскаго народа, остаются служить въ европейской Россіи, на Кавказѣ, въ Одессѣ и т. п. Нѣтъ пока у киргизъ умственнаго центра, гдѣ могла бы завязаться духовная жизнь киргизской интеллигенціи, гдѣ бы ея члены могли работать сообща, другъ другу помогая примѣромъ и совѣтомъ, гдѣ бы киргизъ юристъ или киргизъ докторъ могъ встрѣчаться съ киргизомъ художникомъ, киргизомъ литераторомъ или съ киргизомъ ученымъ. Правда, между молодыми киргизами нѣтъ ни одного, котораго можно было бы поставить въ уровень съ покойнымъ Чоканомъ Валихановымъ; Чоканъ съ либеральнымъ образомъ мыслей и съ свободомысліемъ въ религиозныхъ вопросахъ соединялъ искреннюю любовь къ своему народу и мечталъ о служеніи ему. Но, уступая Чокану въ воодушевленіи народными интересами и въ умственныхъ способностяхъ, молодые люди, если бы собрались въ кучку, могли бы, можетъ быть, еще больше сдѣлать, чѣмъ одинъ человѣкъ. Некому только сплотить ихъ; нѣтъ протектората просвѣдательнымъ стремленіямъ киргизской интеллигенціи.

Часть этой просвѣдательной миссіи какъ будто исполняется администраціей, но если ею и дѣлается что нибудь въ этомъ родѣ — устраиваются школы, издается газета на киргизскомъ языкѣ — то все это ограничивается формальнымъ отношеніемъ къ предпріятію, и въ основѣ такой дѣятельности лежатъ узко утилитарныя цѣли, а не пробужденіе въ народѣ духовной жизни. Конечно, администраціи некогда заниматься этимъ, и для успѣшнаго исполненія ея прямыхъ обязанностей лучше освободить ее совсѣмъ отъ подобной задачи.

Покровительство, о которомъ мы говоримъ, должно быть организовано въ средѣ образованнаго русскаго общества, конечно, мѣстнаго. Для русскаго общества неудобно оставить цѣлый край безъ вліянія русскаго просвѣщенія, которое прочнымъ и продолжительнымъ можетъ быть только въ томъ случаѣ, если степь будетъ покрыта системой народныхъ свѣтскихъ школъ. Съ этими школами народится въ степи классъ людей, дружелюбно относящихся къ формамъ европейской жизни и довѣрчиво къ выводамъ европейской науки, и тогда если несовсѣмъ сдѣлаются невозможными, то станутъ рѣже отступленія руссифицированныхъ семействъ, какъ это замѣчается теперь. Въ настоящее время устарѣлый человѣкъ оставляетъ службу и вмѣстѣ съ тѣмъ русское общество удаляется въ степь и неизбежно подчиняется народнымъ вкусамъ, а направленіе народнымъ вкусамъ и мыслямъ даютъ люди болѣе молодого поколѣ-

нiя, набравшіеся мудрости въ Бухарѣ; въ нѣдрахъ же самаго народа нѣтъ среды, которая противодѣйствовала бы крайностямъ бухарскаго вліянія.

Во многихъ городахъ Западной Сибири основаны общества попеченiя о народномъ образованiи; такое общество необходимо было бы устроить и въ киргизской степи, его задачей было бы — заботиться объ учрежденiи народныхъ школъ, объ устройствѣ народныхъ чтенiй, объ изданiи народныхъ книжекъ, а также и о переводѣ для киргизской интеллигенціи произведенiй русской и европейской литературы и беллетристики. Мнѣ рассказывали объ одномъ киргизскомъ султанѣ (уже умершемъ Уськенбаевѣ), который кончилъ курсъ въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ и потомъ жилъ на родинѣ въ степи около Семипалатинска, что онъ любилъ вечерами рассказывать своимъ землякамъ содержаніе русскихъ повѣстей и романовъ, и киргизы съ такимъ интересомъ его слушали, что просили его записать свои рассказы; такимъ образомъ получились тетрадки, написанныя по киргизски и содержащія въ себѣ вольный переводъ произведенiй Тургенева, Лермонтова, Толстого и др. Иногда во время этихъ литературныхъ вечеровъ въ юртѣ киргизы пускались въ сужденія, и тогда, какъ рассказывалъ очевидецъ, можно было слышать, какъ Уськенбаевъ пользовался русскими авторитетами: «Послушайте, а вотъ что объ этомъ говоритъ извѣстный русскій критикъ Вѣлинскій» или: «вотъ какого мнѣнiя объ этомъ былъ русскій критикъ Добролюбовъ!» Если бы нашлась искусная рука, которая облегчила бы киргизскимъ читателямъ эти открытія, вкусъ молодыхъ султановъ къ персидскимъ и арабскимъ виршамъ значительно бы уменьшился.

Можно предвидѣть, что скоро народится «молодая Киргизія». Чѣмъ она обогатитъ свой народъ, въ какомъ направленiи будетъ работать ея мысль, какіе продукты создастъ ея умъ и ея чувство, чѣмъ она подѣлится съ русскимъ обществомъ въ области науки и искусства? Можно предугадывать, что киргизская народность, подобно малорусской и польской, дастъ двуязычныхъ писателей, которые будутъ писать и на киргизскомъ, и на русскомъ языкахъ.

Многія черты характера этого молодого народа очень симпатичны и не даютъ повода думать, чтобы иссушающее народную жизнь мусульманско-клерикальное направленіе и увлеченіе персидскими виршами отвѣчало его духу. Это какое то недоразумѣніе жизни. Духовное наслѣдство киргизскаго народа достаточно для того, чтобы киргизская жизнь нашла въ немъ поддержку и не изсякла бы подъ сирокко мусульманскаго клерикализма, подобно тому, какъ усыхаютъ воды и почва степи подъ дѣйствіемъ сухихъ вѣтровъ изъ центральной Азіи. Киргизы народъ живой, здоровый, жаждущій жизни; они любятъ веселье; въ костюмѣ любятъ яркіе цвѣта, въ жизни праздники. Поминки по умершимъ у этого народа превращаются въ продолжительныя и грандіозныя торжества

съ играми, скачками, пѣснями, состязаніями, съ исполненіемъ пѣсенъ и съ лирическимъ творчествомъ. Состязанія въ артистическомъ искусствѣ и въ нарядахъ воспитываютъ, можетъ быть, въ киргизахъ нѣкоторую долю тщеславія, что дѣлаетъ ихъ похожими на французовъ. Подобно афинянамъ, киргизы необычайно любятъ новости, «хабары»,—страсть, которая въ молодомъ поколѣніи замѣняется любознательностью.

Чоканъ Валихановъ любилъ выставлять на видъ, что киргизы народъ пастуховъ; это,—говорилъ онъ,—выразилось и въ ихъ одѣяніи, состоящемъ изъ халатовъ, и въ военномъ оружіи, которое состоитъ изъ суиловъ, т. е. шестовъ съ петлями, съ помощью которыхъ ловятъ лошадей. Киргизская жизнь складается изъ пасторалей; любимая повѣсть, которую знаетъ вся степь отъ Оренбурга до Зайсана, верхъ киргизской эпикки, это исторія красавицы Баянъ-сулу, которая влюбилась въ бѣднаго пастуха Козу-курпеша, не могла перенести гибели любимаго человѣка и покончила съ собой на его могилѣ; на этой могилѣ выросли два дерева, которыя протягиваютъ другъ къ другу свои вѣтви; это погнбшіе любовники, которые и по смерти продолжаютъ любить другъ друга; между деревьями колючій кустъ;—это разлучникъ, который при жизни помѣшалъ счастью любовниковъ и теперь еще продолжаетъ мѣшать ихъ замогильному соединенію. Сюжетъ международный, но ни одна народность не сдѣлала его такимъ выдающимся пунктомъ въ своей эпикѣ, какъ киргизы. Не менѣе трогательны и человѣчны другія киргизскія легенды, напримѣръ, легенда, которая объясняетъ, почему одна изъ киргизскихъ рѣкъ называется Ата-су, «слезы отца». Дѣвушка полюбила пастуха, но богатый отецъ не захотѣлъ отдать дочь за своего бѣднаго работника; молодые бѣжали; отецъ пустился догонять ихъ и, когда приблизился къ нимъ на выстрѣлъ, вынулъ лукъ и наложилъ на него стрѣлу. Женщина, замѣтивъ, что любимому ея человѣку угрожаетъ опасность, заслонила его своимъ тѣломъ; стрѣла поразила ее. Отецъ нашелъ на землѣ только бездыханное тѣло и оплакалъ свое горе; его обильныя слезы образовали цѣлую рѣку, которая и теперь называется «Слезы отца». Подобные примѣры самоотверженной женской любви, хотя и не такіе, быть можетъ, героическіе, и теперь бываютъ въ степи. Въ шестидесятыхъ годахъ, во время управленія степью Гутковского, омское общество было сильно заинтересовано исторіей одной любовной парочки, бѣжавшей въ Омскъ подъ защиту русскихъ властей чуть ли не съ озера Зайсана.

Сердечность киргизскаго народа рисуется также обычаемъ заключать братскіе союзы; такіе друзья называются «тамырами»; у тамыра для тамыра нѣтъ ни въ чемъ отказа, какой бы онъ цѣнный подарокъ ни попросилъ. Киргизское сердце хотѣло бы даже сдѣлать чувство дружбы наследственнымъ: дѣти двухъ тамыровъ не забываютъ о духовномъ родствѣ своихъ отцовъ; тамыръ, отецъ не-

вѣсты, называетъ сына своего тамыра окульгуя, «зятемъ». Разсказомъ о двухъ такихъ тамырахъ и начинается киргизская повѣсть объ идеальной женской любви красавицы Баянъ-сулу. Отецъ ея Сарыбай и отецъ ея любовника Козу-курпеша были тамыры, друзья на жизнь и смерть. Сарыбай однажды выѣхалъ на охоту; въ то же самое время и Карабаю вздумалось поохотиться. Случайно они выѣхали на одно и то же поле, и, завидѣвъ самку оленя, но не замѣчая другъ друга, стали сѣзжаться и скрадывать дичь; приблизившись къ ней, Сарыбай замѣтилъ, что оленуха беременна, и вспомнилъ, что его оставленная жена тоже беременна; въ немъ шевельнулось чувство отца, онъ пожалѣлъ бѣдное животное. Но то же самое чувство испыталъ и Карабай, потому что и его жена тоже была беременна. Оба охотника поднялись и тутъ только увидѣли другъ друга и узнали, что они цѣлились въ одну и ту же дичь. Они порѣшили, что, если ихъ ожидаемая дѣти будутъ одного пола, они сдѣлаютъ ихъ тамырами, а если разныхъ, то женятъ ихъ. У Сарыбая родилась дочь Баянъ-сулу, у Карабая сынъ Козу—курпешъ.

Высокое понятіе о повѣстическомъ творчествѣ выразилось у киргизъ въ легендѣ о происхожденіи пѣсни. Легенда разсказываетъ, что нѣкогда, именно въ тѣ отдаленныя времена, когда люди еще не умѣли пѣть, пѣсня (конечно, существо небеснаго происхожденія) летала надъ землею и пѣла; гдѣ она пролетала низко, люди хорошо слышали ее и переняли ея пѣсни; гдѣ высоко, тамъ плохо были слышны ея пѣсни, и народы, населяющіе эти земли, остались не музыкальными. Надъ киргизскою степью пѣсня пролетѣла ниже, чѣмъ надъ какой другой страной, и потому киргизы лучшіе пѣвцы въ мірѣ. Обездоленные монголы, добавляетъ другое преданіе, позавидовали счастливымъ киргизамъ и рѣшили выкрасть у нихъ даръ боговъ, искусство пѣнія; они выбрали ловкаго молодого чело-вѣка и послали его туда, гдѣ стоялъ киргизскій аулъ; онъ долженъ былъ украдкой подойти къ аулу, спрятаться за скалой, подслушать, какъ поютъ киргизы, и перенять мотивы. Юноша подошелъ къ мѣсту, спрятался и сталъ ждать вечера, когда въ аулѣ начнется пѣніе; но аула въ это время тутъ уже не было, онъ откочевалъ, осталась на пепелищѣ одна старая и хромая собака, которая была не въ состояніи уйти за ауломъ. Когда наступилъ вечеръ, собака начала выть отъ голода. Монгольскій юноша услышалъ эту серенаду, подумалъ, что это и есть киргизское пѣніе, запомнилъ его и научилъ ему своихъ сородичей. Вотъ почему монгольскія пѣсни и походятъ на вой волковъ.

Можетъ быть, о томъ же воззрѣніи на поэзію, какъ на прими-ряющій съ жизнью элементъ, свидѣтельствуемъ и киргизское преданіе о первомъ киргизскомъ шаманѣ Куркутѣ, который, какъ есть нѣкоторыя основанія думать, считался по преданію и первымъ киргизскимъ поетомъ. Онъ однажды увидѣлъ сонъ: какіе то люди роютъ могилу и на его вопросъ, что они дѣлаютъ, они отвѣчали, что

роуть могли для Куркута. Онъ бѣжалъ на сѣверный край свѣта и думалъ тамъ спастись отъ смерти. Но и тамъ увидѣлъ тотъ же сонъ. Потомъ онъ побѣжалъ на южный край свѣта, на восточный, на западный, и вездѣ его преслѣдовалъ одинъ и тотъ же сонъ. Тогда онъ убѣдился, что отъ смерти не уйти, примирился съ этимъ роковымъ фактомъ, возвратился на родину, въ киргизскую степь, и здѣсь, усѣвшись на разостланный коверъ, началъ играть на бала-лайкѣ и играть и пѣлъ до самой своей смерти. Въ этой легендѣ киргизскій народъ, можетъ быть, выразилъ мысль, что только искусство красить жизнь и удаляеть отъ насъ преждевременно появляющіеся мрачныя призраки.

Между киргизскими пѣвцами есть виртуозы въ исполненіи, которые умѣютъ придать пѣнію выразительность; это не простое пѣніе, а пѣніе съ отдѣлкой, артистическое. Киргизскій народъ потрудился надъ обработкой своей пѣсни, и потому она вышла такая оригинальная, что при звукахъ ея сейчасъ же переносишься въ своеобразную киргизскую обстановку; начинаешь воображать себя въ разгоряченномъ воздухѣ киргизской степи, среди киргизскаго пейзажа и даже начинаешь чувствовать ароматы степныхъ травъ; такъ и понесеть запахомъ полыни.

Вообще черты, которыми обрисовывается духовный обликъ киргизской народности, какъ будто говорятъ, что періодъ увлеченій клерикальной персидско-арабской мудростью не можетъ быть продолжительнымъ, и что вкусъ къ ней, какъ выше уже было замѣчено, совсѣмъ не соответствуетъ духовной организаціи киргизъ, которые не похожи въ этомъ отношеніи на своихъ сосѣдей, на монгольскую народность, обезличенную чуждымъ церковнымъ вліяніемъ. Превосходно выразилась разница въ духовной организаціи этихъ двухъ народностей въ двухъ типическихъ фигурахъ: въ фигурѣ празднопшатающагося изъ монгольскаго народа и въ фигурѣ празднопшатающагося изъ киргизскаго. Странникъ-монголь это «батырчи», т. е. лама—паломникъ, странствующій монахъ, а иногда и свѣтскій человѣкъ, но всетаки богомолецъ, шляющійся изъ монастыря въ монастырь на поклоненіе святынямъ. Онъ плетется пѣшкомъ изъ аула въ аулъ и питается подаеніемъ; на спинѣ онъ несетъ узелъ, въ которомъ связана его походная палатка, и уложена его чашка для пріема милостыни, такъ называемая, «батыръ» или «бадиръ», откуда и терминъ «батырчи»; онъ идетъ по степи, подпираясь двумя костылями. И когда онъ останавливается среди степи, у какой-нибудь воды, посохи свои втыкаетъ въ землю, растягиваетъ на нихъ свою палатку и садится передъ ея дверями, поставивъ передъ собою свою чашку для пріема милостыни. Руками онъ перебираетъ четки, устами шепчетъ молитву. Такъ онъ переходитъ изъ одного отдаленнаго монастыря въ другой. По дорогѣ онъ заходитъ въ аулы и сообщаетъ новости, которыя онъ слышалъ дорогой, рассказываетъ о чудесахъ, которыя онъ видѣлъ въ монастыряхъ, и передаетъ ле-

генды о подвигахъ святыхъ. Совсѣмъ въ другомъ родѣ киргизскій странникъ. Это молодой человѣкъ, «джигитъ», сидящій верхомъ на быкѣ и переѣзжающій безцѣльно изъ аула въ аулъ; такихъ флакеровъ киргизы называютъ «джолоучи», отъ слова «джоль» — дорога; по русски это будетъ странникъ или путешественникъ. Въ рукахъ у молодого человѣка не четки, а балалайка; онъ ѣдетъ и наигрываетъ киргизскія мелодіи, или импровизируетъ пѣсню. Приѣхавъ въ аулъ, онъ подсаживается къ трапезѣ; его накормятъ, а онъ за это расскажетъ новости, «хабаръ», которыя слышалъ въ дорогѣ, и споетъ пѣсню подъ звуки балалайки. Угостившись и забравъ новый запасъ новостей, онъ отправляется въ слѣдующій аулъ. Одно и то же явленіе въ основѣ, и тамъ и тутъ «гуляющій человѣкъ», праздношатающійся, старающійся убить лишнее время, ищущій развлечения въ смѣнѣ картинъ и общества, въ собираніи и сообщеніи новостей; но какое различіе въ ситуаціи, какая разниа въ подробностяхъ рисунка!

Неужели этотъ народъ, который такъ любитъ жизнь и который умѣетъ украсить ее искусствомъ при своихъ варварски бѣдныхъ средствахъ, не найдетъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы не дать себя опутать той сѣтью, которую набрасываетъ на него мулла? Народъ, который въ пѣснѣ видитъ откровеніе Божіе, имѣетъ право жить и творить. Въ его похоронныхъ и свадебныхъ обрядахъ и въ судебныхъ обычаяхъ столь много особеннаго, указывающаго на сложную жизнь, прожитую киргизскимъ народомъ, въ преданіяхъ, въ народной эпикѣ, въ чертахъ народнаго характера такъ много оригинальнаго, что въ этомъ историческомъ наслѣдствѣ, которое можетъ доставить большой матеріалъ ученымъ для изученія, киргизская жизнь найдетъ вполнѣдствіи элементы для развитія въ болѣе здоровомъ направленіи. Пусть почва степей усыхаетъ, пусть природа окажется безсильною въ борьбѣ съ надвигающимся вѣяніемъ пустыни, для киргизской жизни есть обильный источникъ силъ и средствъ въ духовномъ организмѣ народа, если только сами киргизы отъ него не отвернутся.

Вернувшись изъ Серембета въ аулъ султана Чингиса, я долженъ былъ собираться въ обратный путь. Наступилъ день разставанья. Для насъ съ султаномъ Султанъ-Газинимъ приготовили троичный тарантасъ, который долженъ былъ доставить насъ въ ближайшее русское селеніе, въ Кривоозерный поселокъ. Когда все было готово къ отъѣзду, я вошелъ въ юрту султана Чингиса проститься съ нимъ. Чингисъ Валевичъ всталъ съ своего мѣста, взялъ меня за бороду, и мы поцѣловались. Вѣроятно, по киргизски это былъ знакъ особеннаго дружелюбія. Въ моемъ лицѣ онъ хотѣлъ обласкать друга своего сына Чокана, съ которымъ я находился въ товарищескихъ отношеніяхъ. Одно изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній въ

семья Валихановыхъ, конечно, воспоминаніе о Чоканѣ, который не только былъ украшеніемъ этой семьи, но несомнѣнно долженъ считаться самой лучшей личностью, вышедшей до сихъ поръ изъ киргизскаго народа. Замѣчу еще разъ, что въ сердцѣ Чокана любовь къ своему народу сседиивалась съ русскимъ патриотизмомъ; въ шестидесятыхъ годахъ общерусскій патриотизмъ не отрицалъ мѣстныхъ, областныхъ и инородческихъ, и два патриотизма, общій и частный, легко уживались въ одномъ человѣкѣ. Въ жизни Чокана, если-бы она была описана, нашлись бы указанія, что нужно сдѣлать для того, чтобы водворить и распространить русскія идеи въ киргизскомъ народѣ.

Гр. Потанинъ.